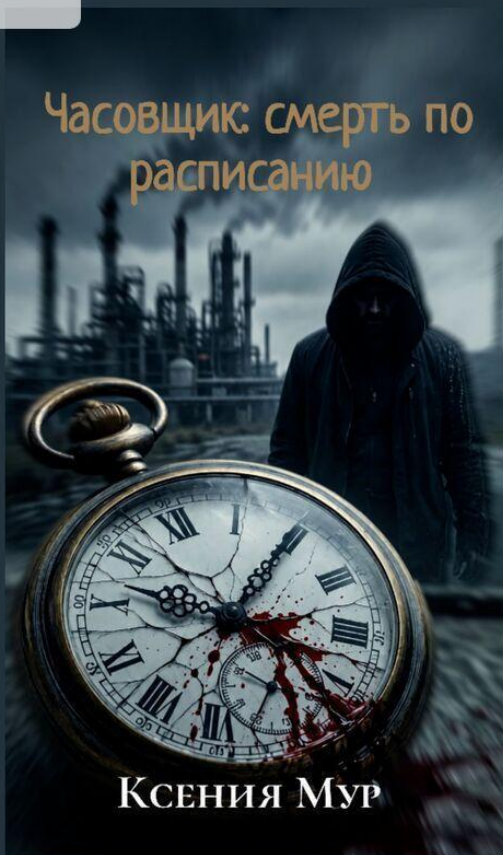

18+

Часовщик: смерть по расписанию

Ксения Мур

Ксения Мур

Часовщик: смерть по расписанию

<https://litres.ru/74429053>

ISBN 9785007116787

Аннотация

Вологодский убойный отдел трещит по швам: в городе объявляется изощренный убийца по кличке Часовщик. Жестоко карает лидеров мафии, выставляя на часах жертв ровно пятнадцать минут спешки. Расследование ведут Александра Ткач и Дмитрий Соболев. Мрачный вологодский нуар сталкивается с горячим ростовским темпераментом. Чтобы поймать призрака из прошлого, Александре и Дмитрию придется вскрыть тайны двадцатилетней давности, пройти через бункеры и засады, где на кону окажется их собственная жизнь.

Часовщик: смерть по расписанию

Ксения Мур

© Ксения Мур, 2026

ISBN 978-5-0071-1678-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Закон можно купить или замять в кабинетах,
Правосудие — никогда! У него свой хронометр»*

Сентябрьский дождь хлестал по панорамным окнам нового особняка в элитном поселке под Вологдой. За стеклом угадывались лишь размытые, черные силуэты вековых вологодских елей. Внутри дома стояла оглушительная, мертвая тишина, насквозь пропитанная запахом сырости и близкой неотвратимой беды.

Майор Дмитрий Соболев первым взлетел по лестнице на второй этаж. Перед дверью кабинета он резко остановился. Шагнувшая следом Александра Ткач едва не врезалась в его широкую спину. Дмитрий молча, но непреклонно выставил назад руку ладонью вниз. Это не был жест «стой, женщина,

тут опасно» — это был тактический жест старшего оперативника, идущего на зачистку неизвестного пространства.

— Дима, я следователь на этом деле, — негромко, но с нажимом процедила Александра. В ее глазах вспыхнуло привычное упрямство.

— Саша, замок сломан. Сначала зайду я, — так же тихо, абсолютно на равных, но жестко ответил Соболев. Он оберегал её. Всегда. А теперь, когда на их безымянных пальцах всего месяц как поблескивали золотые кольца, его мужской инстинкт обострился. Но Соболев не был дураком и маразматиком: он прекрасно знал, что Ткач — блестящий профессионал с железной хваткой, и попытка запереть её в машине или оградить от трупа закончится грандиозным скандалом и потерей уважения. Его забота была умной. Он просто делал за неё грязную и потенциально опасную физическую работу: проверял слепые зоны, углы и дверные косяки. Александра спокойно кивнула и чуть отступила, признавая его право как оперативника обеспечить безопасность периметра. Она была слишком умна, чтобы спорить из-за протокола тактики осмотра.

Соболев мягко толкнул дверь носком ботинка, быстро повел стволом табельного по углам и, убедившись, что в комнате только мертвец, чуть отошел в сторону, освобождая проход для Александры.

В кабинете пахло дорогим табаком, селективным парфюмом и тем самым сладковато-металлическим, тяжелым за-

пахом свежей крови. Хозяин дома, крупный вологодский застройщик Виктор Воронов, сидел в глубоком кожаном кресле за массивным столом. Янтарный свет настольной лампы безжалостно обнажал страшные детали. Белая шелковая рубашка на его груди превратилась в сплошное, влажно поблескивающее багровое пятно. Кровь еще не успела полностью запечься; она медленно, капля за каплей, стекала по дорогой ткани, марала лакированную поверхность стола и с глухим стуком падала на ворсистый ковер, образуя темную лужу. Глаза мертвеца остекленели, устремив пустой взгляд в потолок. Но самой жуткой была театральность мизансцены. Руки Воронова были аккуратно вытянуты вдоль подлокотников. Ладони повернуты вверх, и в правой руке лежали старинные серебряные карманные часы на толстой цепочке. Их стекло было треснуто ровной паутиной, а стрелки замерли.

Александра сразу же шагнула к столу, мгновенно переключившись в режим холодного аналитика. Она присела у кресла, не касаясь улик, и всмотрелась в циферблат сквозь трещины. Соболев встал чуть позади нее — так, чтобы в случае любого форс-мажора мгновенно закрыть ее собой, но при этом абсолютно не мешая ей работать.

— Дмитрий, посмотрите, — тихо произнесла она. Официальное «Дмитрий» на работе было их негласным соглашением, хотя в полумраке кабинета её голос прозвучал для него слишком интимно. — Время на часах. Одиннадцать сорок пять. Соболев хмуро взглянул на свои наручные часы, а за-

тем на настенные. Те показывали ровно половину двенадцатого.

— Спешат на пятнадцать минут, — глухо констатировал Соболев, чувствуя, как внутри закипает профессиональная злость. — Этот гад никуда не спешил, Саша. Он сидел здесь, смотрел, как этот нувориш подышает, и выставлял время. Манифест нам оставил. В этот момент Александра заметила, что на полу, прямо в луже крови под креслом, лежит старая, пожелтевшая архивная ксерокопия судебного протокола Вологодского областного суда двадцатилетней давности. Кровавое пятно быстро впитывалось в бумагу, уничтожая текст.

Александра инстинктивно наклонилась ниже, чтобы рассмотреть буквы. Соболев не стал дергать её за плечо и читать нотации. Вместо этого он просто плавно опустил руку ей на поясницу, слегка фиксируя, чтобы она случайно не потеряла равновесие на скользком от крови паркете и не испачкала одежду. Действие было настолько естественным, командным и поддерживающим, что Александра даже бровью не повела.

— Посмотри на заголовок протокола, Дима, — так же тихо ответила она, переходя на шепот. — Это же дело банды «Северных», которое вели еще в начале двухтысячных. Убийца из прошлого?

Соболев сильнее сжал пальцы на ее талии, давая понять, что услышал, и мягко потянул ее вверх, помогая подняться на ноги.

— Нам нужен этот протокол сухим, — сказал он, уже

вызывая по рации экспертов-криминалистов. — И кажется, Сашка, наши выходные в Тотьме отменяются.

Пока Александра вела протокол, Дмитрий координировал оперов. Под его глухой рык парни прочесывали территорию поселка под проливным дождем, опрашивали испуганную охрану на въезде и искали следы протекторов на размокшей глине у забора. Преступник сработал хирургически чисто. На ручках дверей, окнах и мебели не осталось ни одного постороннего отпечатка пальца или волокна от одежды. К моменту, когда труп погрузили в черный пластиковый мешок, силы были на исходе у всей группы.

жебная «Нива» наконец приткнулась во дворе старой вологодской пятиэтажки, когда на часах было уже около двух ночи. Вологодский дождь к этому времени сменился мелкой, навязчивой изморосью. В салоне пахло остывшим кофе из придорожного автомата, сырой одеждой и тем самым не выветриваемым, глухим запахом судебно-медицинской экспертизы. Дмитрий заглушил мотор. Тяжелая тишина мгновенно навалилась на плечи. Они оба сидели неподвижно, уставившись в лобовое стекло, по которому медленно сползали капли. Сил не было даже на то, чтобы достать ключи от подъезда.

— Ну и денек, Саш, — глухо выдохнул Соболев, откидывая голову на подголовник и устало прикрывая глаза. — Из-

мотал он нас до костей.

Александра повернула к нему бледное лицо. От смертельной усталости её наработанный годами строгий, «кабинетный» самоконтроль дал легкую трещину. Наружу едва заметным намеком пробилось её южное происхождение — тот самый ростовский флер, который она обычно полностью стирала из своей безупречной речи.

— Та и не говори, Дим, — устало выдохнула Александра, и в её интонации проскользнуло характерное мягкое, почти незаметное «г», а гласные самую малость растянулись. — Чо за манера у этих вологодских экспертов — телиться по два часа над каждым смывом? У меня аж под ложечкой засосало, пока мы этой команды дождались. Пошли уже в дом, а то околеем тут совсем.

В зашторенной, небольшой квартире было тепло. Соболев стащил с себя тяжелую куртку, пахнущую дождем, и сразу же, без лишних слов, зашагал в ванную. Александра сидела на пуфике в прихожей, медленно расшнуровывая берцы, чувствуя, как внутри все горит от перенапряжения. Картинка из кабинета Воронова — багровая шелковая рубашка и тикающие золотые часы — никак не шла из головы.

Дверь ванной приоткрылась, выпустив густой клуб горячего пара, пахнущего хвоей. Соболев высунулся по пояс, обмотанный полотенцем. Его широкие плечи были красными от горячей воды. — Сашка, бросай ты эти шнурки, иди сюда, — позвал он.

В его голосе проскочила мужская, собственническая напористость. Он не спрашивал, он забирал её из этого дня. — Смыть надо эту грязь. Прямо щас. Он подошел, прямо в полотенце, опустился перед ней на корточки и сам, ловкими и сильными пальцами, в три движения распутал узлы на её обуви.

Александра попыталась было вернуть инициативу, вскинув подбородок с упрямым вызовом: — Дима, ну чо ты начинаешь? Я ж не маленькая, сама разуюсь! — заворчала она, забавно округляя глаза. Но Соболев лишь коротко хмыкнул, мягко, но непреклонно потянув её за руки вверх, пресекая любые споры. Спасать её от её собственного упрямства он умел виртуозно.

В ванной комнате было жарко, как в бане. Дима сам отрегулировал напор, сделав воду почти обжигающей, и увлек Александру под душ, аккуратно помогая ей стянуть мокрую, пахнущую сыростью водолазку прямо под струями. Вода хлынула на них сверху. Александра зажмурилась, шумно выдохнув, когда горячие потоки ударили по спине, мгновенно разгоняя подкожный холод. Дима встал сзади, обняв её огромными руками, прижимая спиной к своей груди. Его ладони, широкие и шершавые, медленно и сильно растирали её плечи, смывая невидимую пыль чужого загородного особняка и липкий ужас увиденного убийства.

— Слышишь, Саш... — его горячее дыхание коснулось её мокрой шеи. — Ты мне это брось — в самую гущу лезть.

Нагнулась она за бумажкой... Чего ты там не видела в том протоколе? Эксперты бы подняли.

Александра откинула голову ему на плечо, подставляя лицо под воду, и ответила со всей своей скрытой страстностью и напором, отстаивая правоту:

— Да щас, подняли бы они! Пока твой эксперт чухался, там бы всю краску смыло. Я ж глазами увидела, что там «Северные» написаны. Если б не я, мы бы хрен щас знали, куда копать, Дим, — она чуть повернулась, заглядывая ему в лицо. — Так что не надо на меня цыкать. Я дело веду.

— Знаю я, какое ты дело ведешь, — Соболев тихо хмыкнул, и его руки переместились на её талию, прижимая сильнее. Но в этом не было давления — только глубинная, абсолютная защита. — Но ты теперь моя жена, Ткач. Так что привыкай: сначала я смотрю, куда ты наступаешь, а потом ты свои ребусы разгадываешь. Поняла меня?

Александра развернулась в его руках, оказавшись лицом к лицу. Вода стекала по его лицу, по густым бровям. Она посмотрела в его темные зелёные глаза, в которых сейчас горела не ярость, а только, концентрированная нежность. Она прижалась к его груди, растеряв всю свою колючесть.

— Ладно уже, обнимай давай, меня, — тихо, с мягким вздохом пробормотала она и сама потянулась к его губам. Поцелуй получился солоноватым от воды, горячим и отчаянным — так они оба вытесняли из себя холод прошедшего дня, доказывая друг другу, что они живы, они вместе и эта

вологдская осень их не ломает.

Будильник настойчиво завибрировал под подушкой ровно в пять утра. Александра мгновенно открыла глаза, выключая звук, пока Дмитрий не проснулся. В комнате стояли серые предрассветные сумерки. Вологодский туман за окном был таким густым, что казался осязаемым, стирая границы между небом и верхушками елей во дворе. Рядом тяжело, мерно дышал Соболев. Он лежал на животе, закинув одну массивную руку на её половину кровати — инстинктивно искал её даже во сне.

Александра аккуратно, сантиметр за сантиметром, выскользнула из-под его ладони, стараясь не скрипнуть половицами. Внутри неё горел тот самый азартный сухой огонь, который не давал спать, пока в деле оставались слепые пятна. Накинув тёплый халат, она ушла на кухню, тихонько прикрыв за собой дверь. Включила ноутбук, выставив яркость экрана на минимум, и поставила вариться кофе — без него мозг просто отказывался запускать аналитическое мышление в такую рань.

Экран моргнул, отразившись в стеклах её очков. Александра вошла в закрытую базу данных МВД и вывела на монитор оцифрованные папки двадцатилетней давности. Дело банды «Северных». В начале двухтысячных они держали в страхе всю Вологодскую область: рэкет, заказные убийства,

крышевание лесозаготовок. На пожелтевших сканах оперативных фото мелькали суровые лица в кожаных куртках, протоколы обысков, схемы криминальных связей.

— Так, ну и что мы тут имеем... — едва слышно прошептала Александра под нос, вглядываясь в строчки. Её пальцы быстро порхали по клавиатуре. Она искала связь между убитым вчера застройщиком Вороновым и этой бандой. И она её нашла. Двадцать лет назад Воронов проходил по делу лишь свидетелем — молодым, испуганным парнем, который якобы случайно оказался не в том месте. Но именно после разгрома банды его бизнес резко пошел в гору. Архивы кричали о том, что Воронов предал своих. Вдруг за её спиной раздался короткий щелчок дверной ручки. Александра даже вздрогнуть не успела, как на её плечи легли тяжелые, горячие ладони. Соболев. Он стоял босиком, в одних спортивных брюках, взъерошенный, со следами подушки на щеке, но его глаза были абсолютно трезвыми и зоркими.

— Ткач, ты щас серьезно? — его голос спросонья звучал низко, с хрипотцой. Дима наклонился, заглядывая в экран через её плечо, и недовольно цыкнул. — Пять утра. Ты когда-нибудь спишь вообще, ребус ходячий?

— Дима, я просто... — Александра попыталась прикрыть вкладку, но его ладонь мягко, но железно накрыла её пальцы на мышке.

— Да ладно тебе «просто», — Соболев хмыкнул, обошел стол и бесцеремонно отодвинул ноутбук в сторону, ставя на

его место две чашки только что сварившегося кофе. Откуда он только успел его налить?

— Думала, самая умная, пока муж спит? Я этот твой взгляд еще вчера в особняке срисовал. Ты ж извелась вся. По тебе видно когда у тебя мозг чешется.

Александра упрямо вскинула подбородок, глядя на него снизу вверх: — Воронов их сдал, Дима! «Северных». Он забрал их общак, на эти деньги построил первую фирму. Убийца мстит за прошлое. Нам нужно поднять список всех, кто вышел на свободу из этой банды за последний год!

Соболев молча сделал глоток кофе, глядя на неё с легкой, снисходительной усмешкой, в которой читалось чисто мужское превосходство, сделавшего «земляную» работу, пока аналитики спали. — Выдохни, майор Ткач, — Дмитрий вытащил из кармана брюк сложенный вчетверо листок бумаги и щелчком отправил его прямо на клавиатуру ноутбука. — Пока ты тут свои пиксели разглядывала, мои ребята в отделе еще в четыре утра пробили кое-кого. Из всей верхушки «Северных» в живых остался только один. Остальные либо сторчались в девяностых, либо сгнили на зоне.

Александра быстро развернула листок. На нем от руки, размашистым почерком Соболева, был записан адрес в частном секторе на окраине Вологды и имя. — Колесников Илья Петрович. Кличка «Кастет», — Соболев оперся руками о стол, нависая над ней, и в его глазах вспыхнул тот самый хищный, напористый блеск, за который его уважали на «зем-

ле». — Отсидел от звонка до звонка девятнадцать лет. Освободился ровно три месяца назад. И живет он, Сашка, на отшибе, в старом деревянном доме у реки.

Александра замерла, переводя взгляд с записки на мужа. Внутри вспыхнула смесь досады от того, что он её опередил, и дикого, искреннего восхищения его хваткой.

— И ты молчал? — возмутилась она, хотя в голосе проскочила улыбка.

— А что? Кричать? Ты спала так сладко, жалко будить было, — Дмитрий мягко прикоснулся ладонью к её щеке, и его большой палец нежно очертил её скулу. Вся его служебная жесткость испарилась, уступая место бережной заботе. — Но теперь подъем. Допивай кофе, одевайся тепло. Едем брать Кастета. И помни, Саш: во дворе команду я.

Этот тип старой закалки шутить не будет. Александра перехватила его руку, прижимаясь щекой к его ладони, и негромко, но твердо ответила: — Едем. Только рацию проверь, а то твоя вологодская связь вечно в туманедохнет.

жебная «Нива» прорезала густой, как парное молоко, утренний туман, пробираясь к окраине Вологды. За окном проплывали приземистые деревянные дома частного сектора, заборы со следами многолетней сырости и черные силуэты прибрежных ив. Река Вологда, скрытая пеленой, угадывалась лишь по тяжелому, холодному запаху стоячей воды.

Дмитрий вел машину уверенно, но без лишней спешки, то и дело бросая короткие взгляды на пассажирское сиденье. Александра была сосредоточена. Она по привычке поправляла манжеты плотной куртки, а в её глазах застыл тот самый холод, который Соболев успел изучить досконально.

— Приехали, — глухо бросил Дмитрий, паркуя машину в паре сотен метров от нужного адреса под раскидистой старой ивой. Дом Колесникова-Кастета выглядел заброшенным: покосившийся забор, темные окна без намека на занавески, просевшая крыша, поросшая мхом. Но из кирпичной трубы тонкой, едва заметной струйкой шел серый дымок. Хозяин был дома и явно не спал.

Соболев заглушил мотор и повернулся к Александре. Его напористость снова взяла верх, выдавая себя жестким, командирским взглядом.

— Значит так, Ткач, — тихо, но с нажимом произнес он, проверяя кобуру под курткой. — Повторяю для особо умных и упрямых. Во двор захожу я. Ты держишь периметр у калитки и прикрываешь спину. Если внутри начнется заваруха — не лезешь на рожон, а вызываешь подкрепление. Поняла меня?

Александра смерила его долгим взглядом. На мгновение в её глазах вспыхнул присущий ей гонор, готовый оспорить право первенства, но она вовремя подавила этот импульс. Безопасность на «земле» была его территорией, и спорить здесь означало вредить делу.

— Поняла я, Дим, успокойся, — ответила она, и в её голосе снова проскользнул едва уловимый южный флер. — Давай без лекций только. Иди уже, чо время терять.

Они синхронно вышли из машины. Сырой воздух окраины мгновенно ударил в лицо. Ноги тонули в мокрой от росы траве. Соболев шел впереди, двигаясь бесшумно и плавно, несмотря на свою массивную фигуру. Александра следовала за ним на расстоянии трех шагов, держа руку на поясе, готовая к любому повороту.

Дмитрий аккуратно толкнул калитку — та жалобно, надрывно скрипнула на всю округу. В этот же момент дверь дома распахнулась. На пороге стоял пожилой, но крепкий мужчина в застиранной тельняшке и старых армейских штанах. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами и шрамами, не выражало ни страха, ни удивления. Илья Колесников, бывший гроза вологодских предпринимателей по кличке Кастет, держал в опущенной правой руке тяжелый колун для дров. Его серые, выцветшие глаза мгновенно оценили обстановку, остановившись сначала на широких плечах Соболева, а затем переместившись на Александру.

— Менты, — хрипло, прокуренным голосом выплюнул старик, даже не думая поднимать топор. — Рано вы что-то. Я думал, только к обеду раскачаетесь, когда Воронова в морге обмоют.

Соболев сделал еще шаг вперед, полностью перекрывая собой Александру и фиксируя взгляд на топоре в руке подо-

зреваемого.

— Колесников Илья Петрович? — чеканя слова, спросил Дмитрий. — Майор Соболев, убойный отдел. А это следователь Ткач. Бросаем инструмент и разговариваем, или мне помочь?

Кастет коротко, зло расхохотался, и этот смех перешел в сухой кашель. Он с глухим стуком вогнал колун в стоящий рядом пень и вытер ладони о штаны.

— Да не кипятись ты, начальник. Не мочил я вашего застройщика. Хотя не скрою — порадовался, когда по радио услышал. Собаке — собачья смерть. Витька Воронов сукой был, сукой и сдох.

Александра сделала шаг в сторону из-за спины Дмитрия, включаясь в разговор. Её голос прозвучал удивительно спокойно и ровно, разрезая утреннюю тишину: — Вы знали, что его убьют, Илья Петрович? Или, может, сами время на часах выставляли? На пятнадцать минут вперед.

При упоминании часов Кастет резко переменялся в лице. Его ухмылка сползла, а пальцы судорожно сжались в кулаки. Он перевел тяжелый взгляд на Александру, всматриваясь в неё с каким-то странным, пугающим узнаванием. — Часы?.. — тихо переспросил он, и в его голосе впервые проскользнул неподдельный, глубинный страх. — Серебряные? С треснутым стеклом?

— Допустим, — Соболев сузил глаза, сокращая дистанцию до минимума. — Откуда инфа, Кастет? Кто еще ищет

«Северных»?

Старик медленно опустился на ступеньку крыльца, тяжело дыша. Его руки заметно задрожали. Он поднял голову на парочку, и в его глазах отразился ужас человека, который понял, что прошлое, от которого он бежал девятнадцать лет, наконец настигло его.

— Это не я... — прошептал Кастет, качая головой. — Вы не понимаете, менты. Это не месть банды. Это «Часовщик». Он вернулся за всеми нами. И если Витька был первым, то я — следующий по списку. У вас мало времени, ребята. Очень мало.

Воздух над рекой Вологдой на мгновение замер, а в следующую секунду утреннюю тишину разорвал хлёсткий, сухой хлопок, от которого заложило уши. Снайперский выстрел. Звук еще не успел затихнуть в тумане, как пуля с глухим, чавкающим звуком вошла точно в грудь Илье Колесникову.

Старика отбросило назад, его спина с грохотом ударилась о бревенчатую стену дома, а на выцветшей тельняшке мгновенно расплылось огромное, зловещее багровое пятно. В его глазах застыл немой ужас.

Опыт и звериная интуиция оперативника сработали у Соболева быстрее, чем мозг успел осознать случившееся. — Ложись! — взревел Дмитрий, и в этом диком, утробном крике сорвалась вся напористость, превратившись в животный страх за жену.

Он не думал о протоколах, не думал о собственной без-

опасности. Соболев рванулся назад, буквально снося Александру с ног. Его массивная фигура накрыла её в падении, увлекая на сырую, скользкую от росы траву за массивный деревянный пень, в который минуту назад Кастет вогнал свой колун.

Второй выстрел прозвучал почти синхронно с их падением. Пуля со свистом срезала щепку с верхушки пня прямо над головой майора. Мелкая деревянная пыль и клочья травы брызнули Александре в лицо.

— Дима! — задохнувшись от тяжести его тела и нахлынувшего адреналина, вскрикнула Александра, инстинктивно пытаясь повернуться, чтобы оценить обстановку. — Ты цел?! Что там?!

— Лежи, блин, не рыпайся! — рывкнул Соболев ей прямо в ухо, вдавливая её плечи в землю своей огромной ладонью. Его дыхание было тяжелым, обжигающим, а сердце колотилось о её грудную клетку как сумасшедшее. — Снайпер на том берегу, бьет через туман, сука! Голову не поднимай!

Александра заставила себя замереть, хотя всё её упрямое нутро следователя требовало действия. Она чувствовала спиной холод земли, а сверху — надежное, горячее тело мужа, которое сейчас служило ей единственным бронежилетом. В этот момент она отчетливо поняла: его опека — это не недоверие к её профессионализму. Это его способ дышать. Если с ней что-то случится, он просто перестанет существовать.

— Кастет... Дима, надо вытащить Кастета, он еще дышит! — сквозь зубы процедила Александра, косясь в сторону крыльца, где старик судорожно хрипел, пуская кровавую пену изо рта. Убийца убирал единственного свидетеля прямо у них на глазах.

— Жди здесь. Шевельнешься — прибью лично, — жестко отрезал Соболев.

Майор перекатился на бок, в секунду выхватив из кобуры табельный Макаров. Разумом он понимал, что против винтовки с оптикой на той стороне реки его пистолет — почти игрушка, но нужно было прикрыть отход. Выиграть секунды.

Соболев резко вскинулся из-за пня и сделал три выстрела вслепую, в сторону белесой пелены тумана над водой, заставляя стрелка на мгновение ослабить напор. Сразу после этого он мощным рывком преодолел три метра до крыльца, схватил хрипящего Кастета за ворот тельняшки и поволок его по земле за угол дома, в слепую для снайпера зону.

Третья пуля скользнула по ступеньке крыльца, разнеся сухую доску в щепки в том месте, где только что были ноги Димы.

— Саша, ко мне! Зигзагом, быстро! — проревел Соболев из-за угла.

Ткач не заставила себя ждать. Вскочив на ноги, она рванула к нему, низко пригибаясь к земле. Дмитрий выставил руку, на лету перехватил её за талию и буквально зашвырнул за стену дома, тут же прижимая спиной к деревянным брев-

нам и закрывая своим телом.

Они тяжело дышали, уткнувшись друг в друга. На щеке Александры была царапина от выбитой щепки, куртка Дмитрия была испачкана в грязной траве. Соболев судорожно оглядел её с ног до головы, его пальцы крепко, до боли сжали её плечи.

— Целая? — хрипло спросил он, и в его карих глазах плескалась такая бешеная, первобытная тревога, какой она не видела никогда. — Не зацепило? Чо молчишь, Саш?!

Александра сглотнула подступивший к горлу ком, перехватила его дрожащие от адреналина руки и твердо посмотрела ему в глаза, возвращая контроль над ситуацией:

— Целая я, Дим, целая... Живая. Успокойся. Смотри лучше за дедом, у нас свидетель уходит!

Кастет лежал у их ног, его глаза уже начали тускнеть, а изо рта вырывался лишь слабый, свистящий шепот. Александра быстро опустилась перед ним на колени, забыв про грязь и кровь, и наклонилась к самому его лицу.

Кастет судорожно дернулся, его пальцы слепо царапнули мокрую траву, пытаясь уцепиться за уходящую жизнь. Александра наклонилась к самому его лицу, почти касаясь ухом его губ, пока Соболев держал сектор под прицелом, закрывая ее плечом от возможного обхода.

Старик хрипел, изо рта толчками шла темная кровь, но в последний момент его угасающий взгляд вдруг прояснился. Он посмотрел на Александру с какой-то жуткой, понимаю-

щей жалостью. — Золотко... — еле слышно, на самом последнем выдохе прошелестел Кастет. — Ищите... золотко...

Его голова бессильно откинулась назад, глаза остекленели, устремившись в серое вологодское небо, а пальцы окончательно разжались. Илья Колесников, последний из верхушки «Северных», был мертв. Оглушительная, ватная тишина тумана снова сомкнулась над берегом реки, словно и не было этих хлестких выстрелов.

Александра медленно поднялась с колен, на ее щеке застыла капля чужой крови. Она растерянно посмотрела на свои ладони.

— Золотко? — тихо, с чистым ростовским недоумением повторила она, глядя на мужа. — Что это значит, Дим? Он меня так назвал или это зацепка?

Соболев не ответил. Лицо майора было серым от ярости и адреналина. Он уже срывал с пояса рацию, с силой давя на кнопку вызова, пока пальцы другой руки намертво сжимали рукоять Макарова.

— Дежурный! Дежурный, мать твою, отвечай! — рявкнул он в динамик, и его обычный говор от злости полетел к чертям, сменившись жестким командным рыком. — Пикет на связи?! У нас труп Колесникова на окраине! Огонь велся с противоположного берега, предположительно «весло» с оптикой. Перекрывайте весь квадрат, шмонайте каждую колымагу у реки! Объявляй «Перехват» по городу, живо!

Рация в ответ зашипела, пробиваясь сквозь туманную глу-

хоту далеким голосом дежурного. Дмитрий убрал аппарат, резко повернулся к Александре и, не говоря ни слова, рванул ее к себе за талию, намертво прижимая к груди. Он зарылся лицом в ее мокрые от измороси волосы, шумно и тяжело дыша.

— Ты как, Сашка? — глухо спросил он, и его руки дрожали, выдавая то, что он никогда бы не показал чужим. — Живая главное. Чо бы он там ни прошептал, мы разберемся. Главное — ты у меня целая.

Александра обняла его в ответ, чувствуя, как под курткой бешено колотится его сердце. Напор мужа сейчас не раздражал — он возвращал почву под ногами.

Дмитрий Соболев яростно зашагал к служебной «Ниве», на ходу бросая рацию на приборную панель. Александра Ткач едва поспевала за ним, её кроссовки хлюпали по размокшей от росы траве, но она упорно держала темп, не желая отставать ни на шаг. Туман над рекой Вологдой начал лениво рассеиваться, обнажая грязную, свинцовую гладь воды и противоположный берег, заросший густым ивняком и камышом.

— Дим, погоди! — на ходу крикнула Александра, и в её голосе снова прорезалось упрямое ростовское «г». — Чо ты летишь как ошпаренный? Нам экспертов надо дожидаться, периметр оцепить!

— Какие эксперты, Саш?! — Соболев резко развернулся, и его глаза опалили её злостью охотника, упустившего цель.

— Пока эти вологодские улитки сюда доедут, стрелок уже до Череповца доберется! Он бил вон оттуда, от старой пристани. Там следы сойдут через полчаса, если дождь опять припустит. Едем. Быстро!

Они переехали реку по старому деревянному мосту в километре выше по течению. Машину швыряло на ухабах, подвеска «Нивы» глухо стонала, но Соболев выжимал из мотора всё возможное.

Противоположный берег встретил их глухой, зловещей сыростью. Здесь пахло гниющим камышом, мазутом и прелой листвой. Старая, полуразрушенная лодочная пристань из почерневших от времени бревен уходила в воду. Место было идеальным для лежки: отличный обзор на дом Кастета, густые кусты для маскировки и готовый путь к отступлению через заброшенные гаражи.

Соболев вышел из машины, уже держа пистолет наготове. Он двигался осторожно, внимательно вглядываясь в примятую траву. Сашка шла следом, стараясь наступать точно в его следы. На этот раз она не спорила — понимала, что на той стороне реки всё ещё может быть опасно. Дима шел впереди, закрывая её своей широкой спиной, но делал это тактически грамотно, не мешая ей осматривать землю.

— Вот здесь он сидел, — тихо, сквозь зубы процедил Соболев, останавливаясь у раскидистой плакучей ивы, чьи ветви свисали до самой воды, образуя естественный навес. Трава под деревом была сильно примята. На влажной земле чет-

ко отпечатался контур прямоугольного оружейного кейса и глубокие следы от тяжелых армейских ботинок с характерным рисунком протектора. Дмитрий опустился на одно колено. Его массивные пальцы аккуратно раздвинули стебли осоки. — Есть, сука... — выдохнул он.

На желтом листе папоротника, влажно поблескивая в редких лучах пробивающегося солнца, лежала стреляная гильза. Соболев не стал трогать её руками. Он достал из кармана прозрачный пластиковый пакет и кончиком ножа аккуратно подцепил металлическую гильзу за краешек. — Калибр 7.62, — констатировал он, поднося пакет к глазам Александры. — Длинная. Это СВД или что-то импортное под этот же патрон. Профессионал. Бил наверняка, с одного патрона уложил деда через туман и реку.

Александра присела рядом, всматриваясь в следы ботинок. Её аналитический ум уже строил схему.

— Посмотри на глубину отпечатков, Дим. Стрелок тяжелый. Рост выше среднего, шел уверенно, не суетился. Он точно знал, что мы приедем к Кастету именно в это время. Он ждал нас.

— Или его, — Соболев мотнул головой в сторону реки. — Убирал концы.

Вдруг взгляд Александры зацепился за белое пятно, застрявшее между прутьями старого ивового плетня чуть левее лежки. Это был плотный прямоугольник дорогой бумаги, совершенно не вписывающийся в этот грязный, Богом забы-

тый пейзаж.

— Дима, глянь туда, — Александра указала пальцем в резиновой перчатке.

Соболев мгновенно подобрался, прикрывая её корпусом, пока она аккуратно вытягивала бумагу из веток. Это оказалась визитная карточка. Безупречно белая, из дорогой текстурной бумаги, сухая — убийца спрятал её под навес из коры, чтобы дождь её не испортил. На лицевой стороне карточки не было ни имен, ни телефонов. Там красовался лишь изящный, выдавленный черным глянцем рисунок: старинные карманные часы без стрелок. А прямо под ними аккуратным, каллиграфическим почерком от руки было написано всего одно слово. «Золотко».

Александра замерла, чувствуя, как по спине пробежал ледяной холодок.

— Так что это получается... — тихо, почти беззвучно произнесла она, глядя на карточку в своих пальцах. — Кастет перед смертью не бредил. Он прочитал имя на своей пуле еще до того, как она прилетела. «Часовщик» оставил нам её как подпись. Это его фирменный знак.

Соболев поднялся во весь рост, его челюсти были плотно сжаты, а на щеках ходили желваки. Он подошел к ней вплотную, положил руку ей на плечо, слегка сжимая — этот жест одновременно успокаивал её и давал понять, что он рядом.

— Эта тварь играет с нами, Сашка, — глухо сказал Дмитрий, глядя на противоположный берег, где у дома Касте-

та уже начинали мигать синие маячки подоспевших машин подкрепления.

— Он подписывает свои трупы. Сначала застройщик Воронов с часами на 15 минут вперед, теперь Кастет и эта карточка. Он бросил вызов убойному отделу. Или лично нам с тобой?

Александра подняла голову, встретившись с упрямым, взглядом мужа. На её лице появилась жесткая, усмешка.

— Ну что, майор Соболев... Раз он хочет поиграть в загадки, мы устроим ему такую партию, чо у него все шестеренки полетят. Поехали в отдел. Надо трясти архивы ювелирных мастерских и искать, где в Вологде всплывало это «золотко».

бинет начальника УМВД по Вологодской области полковника Зайцева — временно исполняющего обязанности после ухода генерала на пенсию — тонул в сигаретном дыму. На столе, погребая под собой дорожную полировку, громоздились рапорты, распечатки биллингов и утренние вологодские газеты с кричащими заголовками о расстреле на реке. Зайцев, грузный мужчина с багровой шеей, яростно мерил шагами ковер. Александра Ткач сидела на стуле прямо, положив руки на колени, и сохраняла абсолютное, ледяное спокойствие. Соболев стоял чуть позади неё, у самого окна, скрестив на груди мощные руки. Его врождённая напористость сейчас была загнана под замок, но желваки на щеках ходили ходу-

НОМ.

— Вы что мне тут устроили, майор Ткач?! — Зайцев грохнул кулаком по столу, отчего подпрыгнула хрустальная пепельница. — Два трупa за сутки! Вчера — крупнейший застройщик области, у которого половина контрактов по госпрограммам. Сегодня на окраине средь бела дня из снайперской винтовки казнят авторитета из девяностых! Вы под пули ценного свидетеля подставили! Пресса на говно исходит, Москва на проводе! Вы понимаете, что со мной министерство сделает?!

Александра спокойно вскинула подбородок. В её взгляде не было ни капли страха, лишь холодный расчет аналитика.

— Полковник, свидетель был ликвидирован нашими общими усилиями, — ровно, с едва уловимым, жестким ростовским «г» произнесла она. — Если бы оперативная группа выставила посты у дома Колесникова ещё ночью, как я просила в рапорте, снайпер бы не занял лежку. И давайте не забывать: у нас на руках не просто висяки. У нас серия. И мотив тянется из дела «Северных» двадцатилетней давности.

— Какая серия?! Какое двадцатилетие, Ткач?! — Зайцев брызгал слюной, подходя к ней вплотную и нависая над столом. — Ты мне тут свои ростовские замашки брось! Умная сильно? Профайлер хренов! Пиши рапорт о приостановке полномочий. Дело уходит в Главк, а ты...

— Слышь, Петрович, тормози, — глухой, раскатистый бас Соболева заставил полковника осечься. Дима сделал два ша-

га вперед, плавно, но непреклонно оттесняя Зайцева от Сашки. Майор навис над начальником, и в его зеленых глазах загорелся тот самый хищный, опасный огонек, перед которым пасовали самые матерые урки на допросах. — Ты на мою же ну голос не повышай, — тихо, с угрожающим нажимом процедил Соболев. — Майор Ткач за три часа раскопала то, что твой архивный отдел двадцать лет под сукном прятал. Воронов и Кастет — это верхушка айсберга. Убийца ведет игру, и если ты шас отстранишь следователя, который держит нитки, следующий труп всплывет прямо в твоём министерском кресле. Ты этого хочешь? Начальник опешев захлопали глазами.

— Я так и думал, давай подписывай приказ. Под твою личную ответственность.

Зайцев тяжело задышал, переводя взгляд с упрямого, жесткого лица Соболева на спокойную Александру. Он понимал, что майор прав. Опереться ему в управлении, кроме этой бешеной парочки, было не на кого.

Полковник зло сплюнул, отошел к окну и махнул рукой: — Черт с вами. Трое суток, Соболев. Если через трое суток не дадите зацепку по «Часовщику» — оба полетите из органов со свистом. Свободны.

Когда тяжелая дубовая дверь кабинета захлопнулась, Александра выдохнула, потирая виски.

— Спасибо, Дим. Но на рожон ты лез зря. Он же мог нас сожрать.

— Да шас, сожрет он, подавится, — Соболев коротко хмыкнул и мягко сжал её плечо. — Пошли в кабинет. Там опера параллельные дела притащили. Надо сопоставлять.

В их небольшом рабочем кабинете на третьем этаже на доске уже были в ряд выстроены три параллельные линии расследования, которые Ткач вела одновременно, пытаясь нащупать общую слепую зону.

Основное дело («Часовщик»): Убийства Виктора Воронова и Ильи Колесникова (Кастета). Связующее звено — серебряные часы со спешащим временем и визитка с надписью «Золотко». Александра уже сделала запрос в Вологодский госархив: в 1998 году в городе существовала подпольная ювелирная артель «Вологодское золотко», которая бесследно исчезла после наезда банды «Северных».

Параллельное дело №1 (Экономический след): На столе лежали папки по делу о банкротстве Вологодского часового завода. Александра выяснила, что за три месяца до гибели застройщик Воронов активно скупал акции этого обанкротившегося предприятия через подставные фирмы. Зачем строительному магнату старые цеха? Ответ крылся в земле — территория завода планировалась под элитную застройку, но против этого резко выступал бывший директор завода, старик-инженер, который сейчас числился пропавшим без вести.

Параллельное дело №2: Дело о пропаже инкассаторской машины в 2004 году. Это было последнее крупное дело бан-

ды «Северных» перед их арестом. Тогда бесследно исчезли тридцать миллионов рублей и... золотые карманные часы из личной коллекции задушенного инкассатора. По протоколам, которые вел покойный напарник Соболева, те часы так и не нашли.

Александра подошла к доске, взяла красный маркер и провела жирную линию, соединяющую архивную ксерокопию из лужи крови Воронова, визитку «Золотко» с берега реки и старое дело инкассаторов.

— Погляди сюда, Дим, — тихо сказала она, и её глаза азартно блеснули. — Часовщик не просто мстит бандитам. Он собирает то, что они у него забрали двадцать лет назад. Часы Воронова — это хронометр того самого убитого инкассатора. А «Золотко» — это имя человека или место, где спрятан тот самый ненайденный общак «Северных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.